

Интервью с Matti Hyry, 06.03.1999

<http://www.warlinks.com/pages/hyry.php> - перевод – Владимир Крупник

Участник крупнейшего сражения, когда-либо происходившего в Скандинавии - боев при Tali-Ihantala в июне-июле 1944.

Площадь, охваченная боями: 100 кв. км.

С финской стороны в оборонительных боях принял участие 31 батальон, с советской – по меньшей мере, - 108 (50 000 человек против 150 000). На ключевом участке 5 финских дивизий сражались против 12 советских. Таким образом, это сражение превосходило по своим масштабам Эль-Аламейн.

3-я финская бригада имела на вооружении:

1. 8 75-мм американско-французских пушек образца 1902 г.
2. 4 122-мм трофейные советские гаубицы образца 1909/30 г.
3. 12 152-мм трофейных советских гаубицы образца 1938 г.

Итого: 24 единицы на фронт длиной 4-6 км.

На ключевом участке боев Красная Армия имела на вооружении 130-150 орудий и минометов + 59 стволов реактивной артиллерии на один километр фронта, что составляет 520-900 орудий и минометов и 230-250 стволов реактивной артиллерии на участок фронта в 4-6 км.

ВВС Красной Армии на этом участке имели 1500 истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков. ВВС Финляндии – 60 двухмоторных бомбардировщиков, около 30 истребителей Me-109 и небольшое количество самолетов устаревших моделей. Люфтваффе оказало помощь, бросив в бой 35 пикирующих бомбардировщиков Ju-87 и 35 истребителей-бомбардировщиков FW-190 Jabo.

Бронетанковые части Красной Армии на участке боев имели в строю 450 танков и САУ, финны – 25 САУ германского производства и 10 трофейных Т-34 и КВ -1.

Потери сторон:

3-я Бригада потеряла 1658 человек убитыми и ранеными из первоначального состава в 6055 человек (27% потерь). Все финские войска в этих боях потеряли 8561 человека, из которых 1101 были убиты и 1096 пропали без вести.

Примерные потери советской стороны: 18 000 - 20 000 человек убитыми и ранеными и около 600 танков.

Сражение началось 22 июня 1944 г. и утихло в июле. Красная Армия остановила наступление 12 июля, так как Сталин отказался предоставить подкрепления, необходимые на других участках фронта...

Расскажите о своей семье

Я – старший из детей в своей семье, родился в 1923-м. У меня есть брат пятью годами меня младше – он стал офтальмологом, и сестра десятью годами меня младше, которая занимается сервисным бизнесом. Мой отец работал на заготовке пиломатериалов. Во время ПМВ он служил моряком, в том числе, и на норвежском судне. На пути в Норвегию их конвой атаквали немецкие подводные лодки, но его судно благополучно дошло до Хаммерфеста. Оттуда он вернулся в Финляндию, где был призван в белую Армию: шла Гражданская война.

Вы родились в Хельсинки?

Да, но провел 10 лет моей жизни в Оулу, где учился в лицее. Мы переехали в Хельсинки в 1938 г. и я продолжил образование в Финском лицее, который окончил весной 1941 г.

Проходили ли вы службу в Гражданской Гвардии?

Да, я числился в детском отряде отделения Гражданской Гвардии в Оулу, поскольку интересовался авиамоделированием. Я подал заявку на поступление в ВВС Финляндии, но принят не был.

Было ли начало Зимней Войны неожиданным?

Начало войны стало полным сюрпризом для жителей Хельсинки. Правительственная делегация только что вернулась с переговоров из Москвы, и мы ожидали начала нового раунда со дня на день. 30 ноября, в четверг, мы присутствовали на утренней службе в нашей школе, когда услышали рев авиационных моторов сразу после 9 утра. Мы побежали к окнам, и кто-то сказал, что разглядел двухмоторные русские бомбардировщики. Директор школы приказал всем укрыться в школьном подвале. Когда мы спускались по лестнице, бомба разорвалась на улице Kalevankatu прямо напротив школы, и все окна со стороны улицы разлетелись вдребезги. Мы просидели в подвале пару часов, пока кто-то из парней постарше не спросил, что мы тут торчим,

когда началась война. Наши учителя дали разрешение идти домой тем, у кого хватало на это храбрости... Я побежал из школы (а она находилась прямо в центре Хельсинки) домой в Munkkiniemi, находившееся в северных пригородах. Улицы были засыпаны осколками оконных стекол. Возле автобусной станции я увидел убитых и раненых людей и, кроме того, разглядел зенитку, ведущую огонь с крыши здания почты. Один раз по пути домой я спрятался в бомбоубежище. В тот же день здание Технологического Университета, расположенного совсем рядом с нашей школой, сгорело дотла.

Итак, вы не участвовали в Зимней Войне?

Нет, но я дежурил во время авианалетов так же, как и мой отец. Мои мать, брат и сестра ушли своим ходом к родственникам – эвакуировались – вечером первого же дня войны.

Великобритания объявила войну Финляндии в День Независимости – 6 декабря 1941 г. Вспоминаете ли вы этот день как знаменательное событие?

Это было самой неприятной новостью. С нашей точки зрения британские руководители абсолютно не поняли роль Финляндии в этой войне. Психологически мы не могли понять, почему нам объявили войну: мы ожидали помощи от западных держав в отражении агрессии со стороны Советского Союза.

Вас призвали 12 декабря 1941г. Насколько доскональным было медицинское обследование?

У меня не было перетензий к медикам – это было сделано профессионально. Хотя я был и остаюсь коротышкой (мой рост 160см), меня классифицировали как физически развитого парня и отнесли к группе A1 (наивысшая категория).

Вас мобилизовали 15 января 1941 г. Вы обучались в лагере подготовки пехотинцев в Namina. Насколько суровым было обучение?

С моей точки зрения обучение было нацелено на улучшение нашей физподготовки и создание духа товарищества. Не могу сказать, что пришлось переносить какие-то издевательства. Мы, разумеется, стреляли боевыми патронами на полигоне, и я не могу припомнить случая, чтобы мы проходили боевую подготовку с использованием холостых боеприпасов. Обучение заняло несколько недель. Затем вся группа новобранцев была направлена в 3-ю Бригаду, дислоцированную близ Karhumäki (ныне Медвежегорск) в Восточной Карелии. Я стал рядовым автоматчиком (автомат Suomi образца 1931г., калибр 9 мм).

Окуда были ваши товарищи?

В основном, из Хельсинки. 3-я Бригада состояла из остатков батальона Vallila (из его

состава около 40 человек было демобилизовано), но некоторые прибыли из районов Турку и Сомеро. В нашей роте были и люди постарше.

Насколько хорошо вы были одеты и вооружены?

С этим все было в порядке.

Вы сразу попали на передовую?

Нет, наша рота оказалась в резерве. Я был отобран для подготовки в унтер-офицеры и получил лычки младшего капрала и 7 человек в непосредственное подчинение. Вскоре после этого наша рота была отправлена на передовую.

Насколько спокойной была ситуация на передовой?

Противник высылал патрули для захвата языков и обстреливал нас из артиллерии. Мы делали то же самое. Все время приходилось прятаться от вражеских снайперов.

Как часто вас отводили на отдых?

Обычно от перерыва до перерыва проходило 6 месяцев, но вы могли получить дополнительные дни для получения денежного довольствия, для свадьбы, для посещения новорожденного ребенка... Перерыв длился 14 дней, включая время на дорогу. Я дважды ездил в Хельсинки и обратно на поезде (48 часов в одном направлении), который был битком набит.

Финские солдаты получали дневное жалование (12 марок в день – меньше чем минимальная зарплата в промышленности), но действительно ли были вам нужны деньги на передовой?

Только для курева. Каждый получал по три сигареты в день, был ты курильщиком или нет, но купить можно было больше. Я тоже начал курить из-за постоянных стрессов. Табак был важной частью рациона – он был нужен для того, чтобы «успокоить нервы».

Насколько строго соблюдалась формальная дисциплина, например, отдавание чести?

Солдаты салютовали старшим по званию вполне исправно, но я должен сказать, что на передовой формальности не очень соблюдались как командирами, так и рядовыми. Люди не старались добиться благосклонности начальства за счет чрезмерного усердия в военной выправке – здесь мы не перебарщивали... Когда мы были в резерве, была строевая подготовка. Кроме того, мы занимались спортом и участвовали в соревнованиях. В общем, строевая подготовка и обучение проходили в расслабленной манере и были нацелены на поддержание хорошей физической формы.

Предполагалось ли, что каждый будет участвовать в спортивных соревнованиях?

Нет, только лучшие парни отбирались для спортивных соревнований. Кроме того, артисты и одаренные ребята имели шанс принять участие в «представлениях на передовой». Когда мы были в резерве, нам иногда удавалось попадать на представления профессиональных групп артистов.

Ну а что насчет изготовления разных поделок?

Да, некоторые ребята, например, изготавливали красивые абажуры из бересты, но в нашем блиндаже только пара парней проявила интерес к рукоделию. Большинство играло в карты и читало книги, когда было свободное время.

Не пытались ли вы продолжить свое образование во время войны?

Нет, поскольку был полностью занят своими солдатскими обязанностями. Например, я прочитывал все военные наставления и уставы, чтобы быть в курсе всех новшеств.

Рассматривали ли вы возможности карьеры профессионального военного и поступления в кадетское училище?

Нет, потому что я слишком маленького роста. Мне было бы сложно стоять перед строем под градом насмешек. Такова жизнь...

Можете ли вы рассказать о своем первом бое, или когда вы впервые выстрелили в противника?

Стрельба из автомата – стрельба по сектору, автоматчик не целится в конкретного человека. Во время атаки автоматчики бегут впереди остальных, чтобы не попасть при стрельбе в своих же. Я припоминаю инцидент, случившийся примерно в марте 1943-го, когда вражеские лазутчики проникли за линию наших окопов и приблизились к входу в наш блиндаж. Я был готов к стрельбе в тот момент, когда ракета осветила все вокруг. Я разглядел фигуру в белом маскхалате и немедленно открыл огонь. Шестеро вражеских солдат, обутых в валенки, было убито, остатки вражеской разведгруппы сумели добраться до своей линии окопов.

Я помню мой первый опыт настоящей войны. Наша рота, находящаяся в резерве, получила приказ отбить у противника высоту близ железнодорожной станции Malu. Этот холм был метров 250 в ширину, на его вершине окопался враг. Высота находилась в 200-300-х метрах от нашей передовой. Наступили сумерки, мы были готовы ринуться в атаку, но тут на нас обрушился огонь Сталинских Органов (Катюш – ВК). Грохот стоял оглушительный, противник явно был в курсе наших намерений. Наша артиллерия тоже открыла огонь, но, я полагаю, мы были не в лучшем положении по сравнению с русскими, окопавшимися на высоте. Затем мы перевалили через бруствер и побежали по направлению к холму. Я услышал, как кто-то закричал о том,

что взводный командир убит, но мы не остановились. Моя группа достигла вражеской траншеи. Я приказал всем зачистить траншею, двигаясь влево, а сам двинулся вправо. Я бросал гранаты и палил из своего автомата. Сзади меня прикрывал рядовой Леандер (Leander), вооруженный винтовкой.

Оставил ли противник своих убитых?

Да, несколько трупов осталось. В сумерках, продвигаясь вдоль траншеи, мы разглядели, как вражеские солдаты выбираются из нее и бегут назад – в тыл. Тут у меня кончились патроны – я израсходовал все свои 5 дисков. Было тихо, никто не стрелял. Мы вернулись к месту, откуда начали зачистку траншеи и стали кричать, что нам нужны боеприпасы, стараясь установить контакт со своими товарищами. Никто не откликнулся, и мы поняли, что остались одни в захваченной вражеской траншее. И тут со стороны позиций противника донеслись громкий шум и крикливые команды – мы предположили, что русские готовятся к контратаке.

Мне было нечем стрелять, у Леандера еще оставались патроны. Мы решились на отход – другие уже сделали это. Многого мы все равно бы не добились, имея одну винтовку на двоих. После полуночи мы вернулись туда, откуда начали атаку. Во время этого боя наш командир батальона майор С.О. Линдгрэн (S.O. Lindgren) был на отдыхе в тылу. Вернувшись, он узнал подробности минувшего боя и приказал атаковать снова. Майор произнес вдохновляющую речь и твердо уверил всех, что отступать никто не будет. Он, должно быть, помнил меня с тех пор, как я проходил курс подготовки унтер-офицеров, поскольку спросил, согласен ли с ним младший капрал Нугу. Я ответил утвердительно, но также заметил, что на этот раз нам понадобится доставка дополнительных боеприпасов. «Это верно,» - признал майор и сказал, что присоединится к моей группе во время атаки. В тот же вечер мы атаковали снова, и командир батальона бежал рядом со мной. Когда мы прыгнули в траншею, майор приказал обозначить эту точку в качестве пункта для последующей переброски сюда боеприпасов. Затем он приказал мне начать зачищать траншею в направлении направо, а сам двинулся влево. Мы захватили эту траншею и удерживали ее в течение трех дней, пока нас не сменили. За это время мы отбили одну контратаку противника.

Когда вы обороняли свои позиции, какова была плотность войск?

В нашем блиндаже находилась половина взвода (два отделения по 8 человек), и на нас приходилось около 250-300 метров траншеи. Близ станции Malu траншея была вырыта в песчанистом грунте, и борта ее не были каким-либо образом укреплены. Ну а вражеский окоп находился на расстоянии немногим более 200 м от нас.

Был ли это стоящий блиндаж?

В нем было сухо, потолок был достаточно высок – можно было встать во весь рост, в нем была печка. Клопов в блиндаже не было: я думаю, мы были из числа тех парней, которые знали как следить за чистотой и вовремя менять белье.

Ну а сауна у вас была?

Если мне не изменяет память, сауна у нас была раз в неделю, даже когда мы были на передовой.

Были ли проволочные заграждения и и минные поля вдоль ваших траншей?

Колючая проволока была, и полоса вдоль них должно быть, была заминирована, но я не уверен в этом, так как мы ни разу не слышали, как взрываются эти мины...

Еды было достаточно?

Да, никто с голоду не умер. В дополнение к армейским rationам мы получали посылки из дому и делились содержимым друг с другом. На Рождество мы получали специальные продуктовые подарки. Еще в блиндаже был ящик, откуда в любое время можно было взять подсохшую ржаную лепешку размером 30x30 см. Мы кипятили воду, заваривали кипятком сухими листьями малины, а потом макали куски сухого хлеба в этот «чай». Если при этом у вас был сахар из солдатского пайка, это было очень вкусно...

Чем было занято ваше время в период позиционной траншейной войны?

Мы должны были быть в дозоре по два часа через каждые четыре часа. По одному часовому было в двух точках, причем ночью их их было не больше, чем днем.

Какую информацию получали солдаты о ходе боевых действий на фронтах мировой войны?

Мы получали довольно достоверную информацию о ситуации на нашем фронте, о положении у немцев и об общей ситуации в мире. У нас были газеты, был радиоприемник. Не было такого, чтобы кто-то был в неведении, хотя нас ни разу не собирали для политической информации...

Как на вас подействовала новость о поражении немцев в Сталинграде?

Тогда мы все сошлись во мнении о том, что наступил поворот в ходе войны. Когда бригада была в районе Salla, находясь в резерве 20-й Горнострелковой Дивизии германской армии, мне приходилось избегать встреч с немцами, так как я в разговорах с немецкими офицерами несколько раз ляпнул, что Германия проигрывает войну. (Немецкие войска обороняли участок фронта от Suomussalmi до арктического побережья.)

Ну а между собой люди обсуждали возможный исход войны?

Да, говорили об этом. Мы опасались того, что Германия может проиграть войну и что

это может плохо кончиться и для нас. С другой стороны, отношение к немцам было неважным, так как ребята считали, что немцы слишком популярны среди финских женщин..

Имела ли какой-либо эффект советская пропаганда?

Никакого. Финны вообще игнорировали любую пропаганду, хоть свою, хоть вражескую.

А передачи BBC на финском вы слушали?

Нет, ведь это была всего лишь пропаганда союзников русских...

Вы были на передовой зимой 1942/43, но затем вас направили в офицерскую школу по рекомендации командира батальона?

Да, те, кто соответствовал определенным требованиям, мог изъявить желание добровольно направиться в офицерскую школу, но я решил, что будет лучше, если останусь там, где я есть. Однако, майор приказал мне пройти офицерскую подготовку в Niinisalo. Обучение проходило около 1000 человек, и я оказался единственным, кто не был добровольцем. Командир взвода курсантов (буквально – Aspirant - ВК) просмотрел мои документы и спросил, не был ли я из числа «неуправляемых»? Я ответил, что так не считаю, но, тем не менее, взводный стал уделять мне повышенное внимание!

Что осталось у вас в памяти о времени прохождения офицерской подготовки? Было бы лучше не попадать туда?

Остались хорошие воспоминания, несмотря на то, что в начале инструктор-*Аспирант* пытался дискриминировать меня из-за моего маленького роста и пытался выставить меня на смех. Возможно, он считал, что офицер должен иметь более внушительный вид. Однако, я вошел в элиту находящихся на обучении курсантов, стал членом артистической группы, которая готовила программы для вечерних представлений: театральные постановки, гимнастических шоу и т.д.

И что, для подобной деятельности оставались силы?

Если бы мы исполняли досконально все приказы инструкторов, у нас не оставалось бы сил на что-то другое. Но если вы выполняете приказы исключительно в соответствии со своими физическими возможностями, тогда проблем не будет. Когда командир курсантской роты обнаружил, что инструктор измывается надо мной, он вмешался. Инструктор получил выговор, а меня переместили на должность адъютанта командира учебной роты. Если намечались не самые приятные дополнительные занятия или упражнения, меня, например, могли отправить на заготовку дров ... Ну а весь курс офицерской подготовки занял 5 месяцев.

После этого вас отправили обратно в 3-ю бригаду, но на этот раз в 3-й батальон вместо 4-го...

Да, сначала я служил в должности Аспиранта. 29-го февраля 1944 г. меня произвели в прапорщики. Вскоре после этого вся бригада была переброшена в Салла (Лапландия) в качестве резерва на случай ожидавшегося советского наступления. В июне 1944 г. нас оттуда перебросили на Карельский перешеек, когда Красная Армия перешла в наступление.

Вы стали командиром взвода после того, как был убит прежний командир?

Да многие из них погибли...

Что представлял из себя ваш взвод?

В начале взвод состоял из людей постарше меня, но их вскоре заменили молодые парни. Думаю, я довольно успешно выполнял роль командира. Я прорабатывал всё и обдумывал приказы с психологической точки зрения, принимал во внимание мнения моих ребят и пробуждал в них командный дух. Главное правило было следующим: никто не будет брошен на произвол судьбы. Если намечалось слабое звено, под рукой у меня всегда находился человек, которому я мог это передоверить. Я не отодвигал парня послабее в сторону, а ставил рядом с ним крепкого бойца, чтобы тот мог подставить ему плечо. И такой метод работал хорошо в моем взводе. Боевой дух был высоким, и если кто-то начинал ворчать по какому-то поводу, мы обсуждали этот предмет вместе со всеми, кто был причастен к проблеме. Психологически мой взвод был единым целым.

Вы начали применять эти методы сразу же после того, как стали командиром взвода?

Да.

Вас учили этому в офицерской школе?

Да нет, это был мой собственный метод, к которому я прибегал потому, что не вышел ростом и потому, что интересовался психологией.

Как складывались ваши отношения с командиром роты?

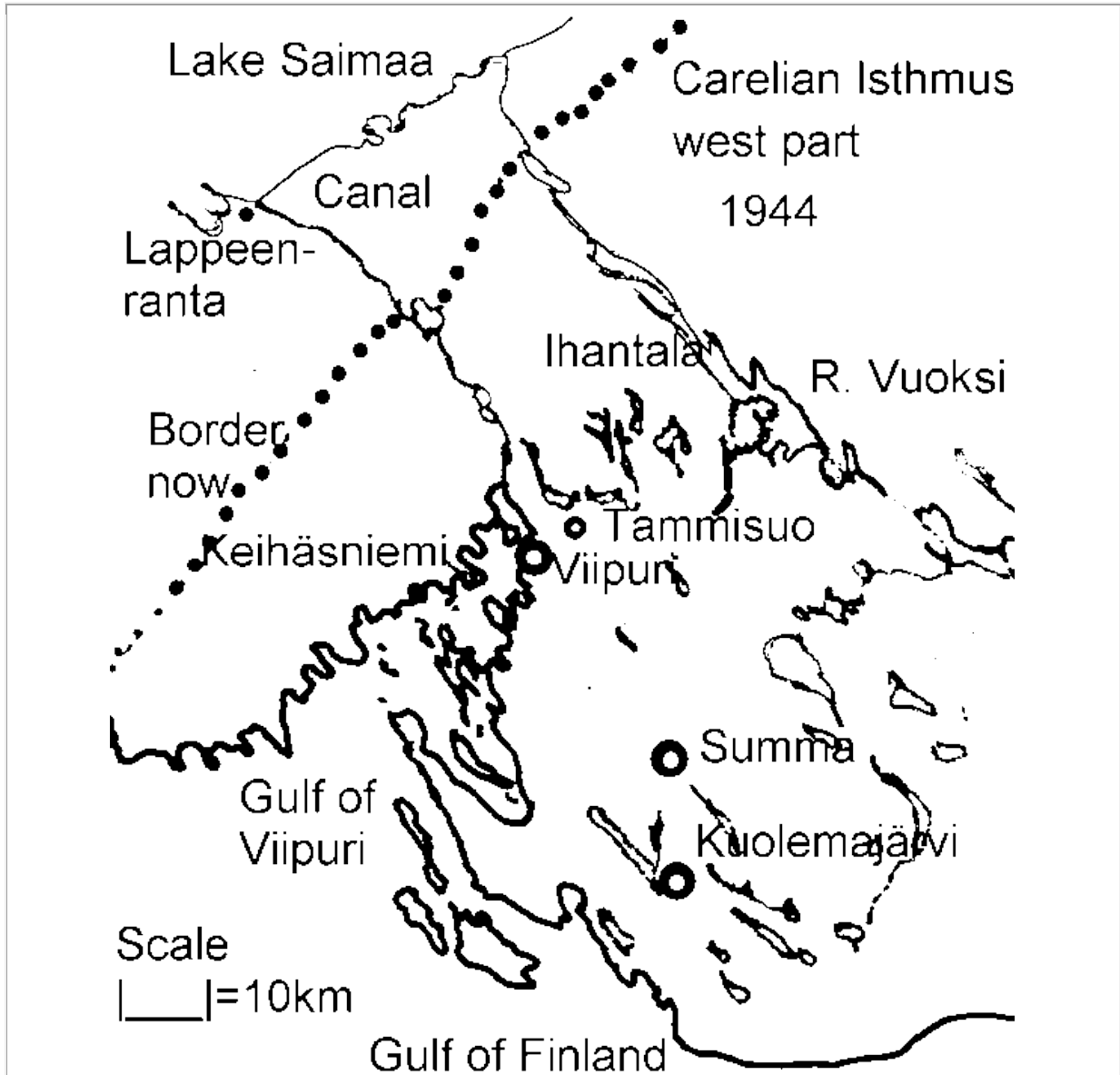
У нас были хорошие отношения. Он был кадровым офицером, который иногда имел проблемы с претворением в жизнь приказов батальонного командира. Он был в чем-то теоретиком, который не умел соотносить задание с теми ресурсами, которые были у него под рукой в реальной жизни. Несколько раз мне приходилось вступать в контакт с командиром батальона, чтобы согласовать с командиром роты разумный порядок действий в конкретной ситуации.

Командир батальона считал, что мы должны беречь людей и избегать непродуманных действий на передовой. В то же время наш ротный часто приказывал бросить в бой большее чем требовалось для этого количество людей, что приводило к лишним потерям.

Я всегда приходил к согласию с моим командиром, хотя, случалось, мы в чем-то не сходились во мнении. Я находил в себе силы высказывать противоположную точку зрения, и в случаях, когда это касалось остальных командиров взводов нашей роты, я был тем единственным, кто осмеливался высказывать капитану нашу общее мнение. Обычно я пытался говорить о нашем общем понимании ситуации вместо того, чтобы говорить от себя лично...

Было ли у вас время для этого во время летних сражений 1944-го года?

Ну, какое-то время было для этого, но чаще всего случалось, что рядом не было старшего командира, который мог бы отдать приказ... Командир взвода должен уметь действовать сам по себе, при этом обеспечивать порядок во взводе и предотвращать драп...

Итак, 3-я бригада была перебросена на Карельский перешеек?

Да, 15 июня наш состав разгрузился на станции Kuolemajärvi, а точнее, немного в стороне от нее, так как была замечена необычная активность противника – вражеские солдаты шныряли вокруг станции. Поезд немедленно тронулся в обратный путь, и нам пришлось отступить на 60 км в сторону городка Summa, где мы остановились на линии Маннергейма. Позиции были плохонькими, их пришлось в спешке восстанавливать, так как они были разрушены в ходе Зимней Войны, но ничего другого нам не оставалось...

На этой позиции мы сражались 18-19 июня. Мы сидели в траншее, когда противник обрушил на нас мощный шквал артогня, а затем попытался прорваться вдоль дороги,

бросив в бой большую массу пехоты и танков. Мы ожидали поддержки от нашей артиллерии, но так и не дождались ни единого снаряда... Танки продолжали атаковать нас, пехота их поддержала. У нас не было противотанкового вооружения, но мы удержали линию обороны. Наш ротный был убит, и я занял его место. Я обещал командиру батальона Иконену (Ikonen), что будем держаться до полуночи (18 июня), но не дольше. В полночь нас сменила другая часть. Приказано было сменять одного человека в каждый момент времени – солдат из пришедшей части слегка толкал одного из наших ребят и затем менял его. Я думаю, это было не очень хорошей затеей, поскольку бой продолжался, и в результате и те, кого пришли менять, и те, кто пришел менять, перемешались и начали отступать. Я находился в бетонном бункере рядом с дорогой, пытаюсь навести порядок вместе с капитаном, который командовал пришедшей заменить нас ротой. Оказалось, что капитан не имел никакого боевого опыта и был вчерашним тылови́ком, которого неожиданно назначили командиром стрелковой роты. И тут вражеский танк заехал на крышу нашего бункера и остановился. Я бросился к входу в бункер вместе с адъютантом роты, и в этот момент 75-мм снаряд противотанкового орудия, предназначенный для вражеской машины, разорвался на пороге. Адъютант был ранен в левую руку. Я отдал свой автомат капитану и сказал ему следить за тем, чтобы никто не входил в наш бункер, а сам начал перевязывать рану пострадавшему. Вскоре противотанковое орудие вновь выстрелило, и на этот раз снаряд угодил во вражеский танк. Двое уцелевших танкистов спрыгнули в траншею и начали пробираться к бункеру. Увидев нас, они попытались выхватить свои пистолеты, но капитан заорал: "Rukiverh!", а я крикнул "стреляй!" Он так и сделал, но один из русских сумел убежать.

После этого мы приняли решение отступать вдоль траншеи к краю болота – туда, где располагался пулеметный расчет, обстреливавший из «Максима» пространство перед траншеей. Я приказал им сняться с позиции. Мы начали спускаться вниз по склону вдоль траншеи, в то время как вражеские танки и пехота были уже метрах в 50 от нее. Траншея упиралась в болото, и мы начали углубляться в него. Трясина была такая, что мы уже были не в состоянии тащить с собой «Максим» - пришлось бросить его. Вплоть до сумерек этого летнего дня мы двигались на север, в направлении позиций наших войск. Все это время мы слышали шум и разговоры, которые доносились до нас от наступающих русских... Мы шли молча, по сути дела, затерявшись между наступающими солдатами противника. В конце концов, еще до рассвета, мы добрались до своих. Мне крайне трудно описать то, что происходило во время наступления русских, человеку, который не был на войне и не может представить себе ситуацию, когда свои и чужие войска перемешались друг с другом. Я думаю, официальная история преподносит такие случаи в лучшем свете, чем это было на самом деле. В реальности, после того, как противник прорвал нашу оборону и финские войска были рассеяны, нам всем пришлось пробиваться к своим небольшими группами в том же направлении, в котором наступали русские войска. Мой взвод вел что-то вроде партизанских боев, пытаюсь прорваться к своим. Нам удалось это сделать, так как мы атаковали противника со спины, и нам удавалось застигнуть его врасплох. Мы старались избегать стычек – русских было хорошо слышно, потому что они вели себя довольно шумно, но при необходимости нам приходилось вступать в бой. Несколько

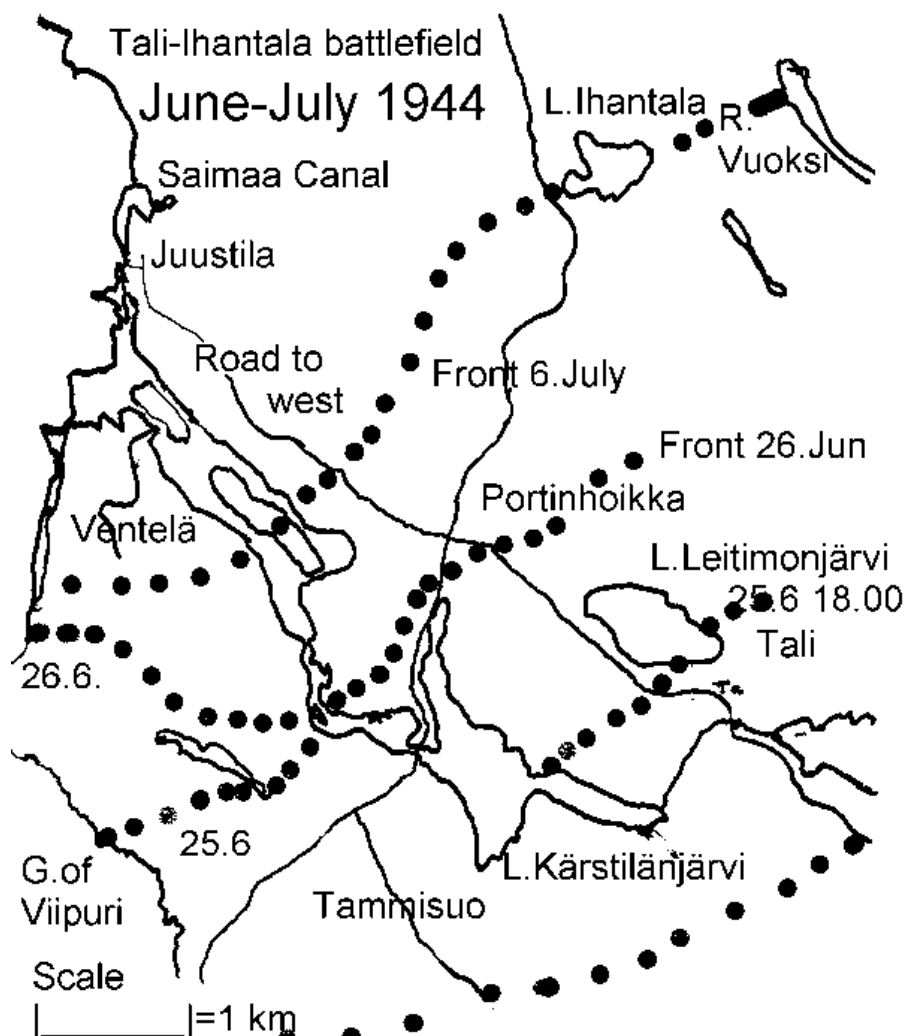
раз, уже в ночных сумерках, мы просто просачивались через вражеские позиции цепочкой по одному, при этом слева и справа эту цепочку прикрывали два человека. Русские знали не больше нашего о том, где находились наши позиции, поскольку линии фронта в тот момент просто не существовало. Если мы натыкались на отставших от своих частей финнов, я отдавал им приказ присоединиться к нам.

Вы остановились у Tammissuo. Вы помните, сколько времени у вас ушло на то, чтобы добраться до места?

Может быть, пара дней, при этом мы ни разу не передохнули за это время. На новой линии обороны Бригада получила противотанковое вооружение - Panzerfaust и Panzerschreck. Это оружие было использовано позднее нашими противотанковыми группами, которые уничтожили 28 вражеских танков на нашем участке фронта.

Сколько времени вы продержались на позициях близ Tammissuo?

Где-то с неделю, начиная с 20 июня, мы удерживали наши окопы. Мы остановили противника, отбили все его атаки, но линия фронта была прорвана близ Viipurin (Выборга – ВК).

Официальные источники утверждают, что утром 25 июня 1944 г. противник провел исключительно мощную двухчасовую артподготовку на участке фронта, удерживаемом 3-й Бригадой, на глубину от передовой до канала Saimaa. За этим последовал прорыв обороны тяжелыми танками ИС, за которыми следовала пехота...

В тот час ситуация была совершенно неясной, стычки с противником происходили повсеместно. Опять мы потеряли контакт с другими частями и снова попытались отсупить на север. Нам пришлось форсировать озеро Karstilanjarvi в месте его сужения, при этом мы понесли большие потери, поскольку противник сконцентрировал огонь там, где мы шли вброд. Затем мы наткнулись на несколько финских танков из Дивизии «Lagus» и увидели в небе немецкие «Штуки»...

После всего этого мы вели бои в районе Ventela вплоть до 9 июля (согласно официальным источникам, понесшая тяжелые потери финская бригада, изначальная

численность которой была около 5000 человек, сражалась против четырех советских дивизий общей численностью около 40 000 человек). В июле из района Ventelä наша бригада была переброшена к Viipurinlahti. Сначала мы стояли близ Viipuri, позднее - близ Keihasniemi.

То есть, противник пытался переправиться через залив?

Да, они использовали десантные катера и опирались на захваченные ими островки. Мы были под довольно интенсивным огнем артиллерии и, временами, минометов. Но наша артиллерия остановили продвижение противника. Вражеские катера так и не подошли на расстояние, достаточно близкое для того, чтобы наша пехота могла открыть по ним огонь.

Были ли потери в вашем взводе?

Да, я потерял половину взвода. В районе Summa убитых среди нас не было, поскольку мы хорошо окопались. Близ Tammisuo нам было труднее, потому что приходилось контратаковать для того, чтобы оторваться от противника и продолжить отступление. Многие парни были убиты...

Была ли у вас возможность отправить в тыл убитых и раненых?

Многих пришлось оставить на поле боя. Да и санитары все погибли...

Получали ли вы пополнение?

Получали новобранцев 1925-го года рождения. С моей точки зрения, им было далеко до моих солдат, у них не было опыта и, соответственно, должной дисциплины.

Затем бои стихли, и вы получили специальное задание?

Я был назначен офицером при штабе Бригады, отвечающим за сельскохозяйственные и лесные работы. Моей задачей было руководство вырубкой леса и его вывозом из районов, которые предстояло отдать противнику. Урожай картофеля и зерна, заготовленный лес конфисковывались правительством и вывозились по железной дороге к новой границе. Всему этому нужно было вести учет, документация затем проверялась военными властями. Работы велись все еще оставшимися в этом краю местными жителями и солдатами, которых передали мне в подчинение.

Когда война для вас закончилась?

Меня демобилизовали 8 ноября 1944 г. Я прослужил 2 года, 11 месяцев и 13 дней и вернулся домой в Хельсинки. Мой дом остался цел и невредим, и я смог вернуться к занятиям в университете.

В 1944-м вас наградили Крестом Свободы 4-го класса?

Да, полагаю, я получил его за то, что командовал взводом, и это была опасная должность...

Все солдаты получили боевые награды?

Думаю, что все те, кто имел незапятнанный послужной список, получили награды.

Каким было снабжение продовольствием летом 1944-го?

В значительной степени командирам приходилось самим искать пункты раздачи пищи. По обочинам дорог были знаки, указывающие дорогу к таким точкам. В принципе, горячая пища была доступна почти всегда, однако временами приходилось обходиться сухими пайками. Мы сами варили суррогатный кофе и заваривали чай из листьев малины.

Случались ли у вас проблемы с кишечником из-за плохой воды?

Был момент, когда появилась дизентерия. Многие парни попали в госпиталь, и это даже сказалось на нашей боеспособности.

Что произвело на вас наибольшее впечатление летом 1944-го?

Огромное численное превосходство русских. Танки, штурмовая авиации и колоссальная численность пехоты. Активность вражеских самолетов сильно подрывала наш боевой дух и нанесла нам большой урон. Вражеские летчики стреляли по любому строению, которое могло быть использовано для размещения в них солдат, и вообще по всему, что двигалось. Ну, конечно, нам приходилось тяжело и под огнем вражеской артиллерии.

Были ли случаи, когда начиналась паника?

Не думаю, что мне довелось увидеть всеобщую панику. Так могло случиться, когда одна часть получала приказ отступить, а другая, рядом с ней, получала приказ удерживать позиции. Но обычно отходы проходили организованно, и откровенного драпа, как такового, не бывало. Прикрывающие части оставались под угрозой окружения. Риск при этом был настоящий, не просто какой-то страх, если принять во внимание численное превосходство противника. Важно было сохранить взвод как единое целое, чтобы потом прорываться, если понадобится. Что касается меня, то я должен сказать, что благодаря моему психологическому лидерству мой взвод оставался монолитным. Много раз я испытывал приятные чувства, когда мои парни собирались кучей вокруг меня, как цыплята рядом с курицей...

Были ли случаи дезертирства?

Позднее обнаружилось, что некоторые из тех, кого сочли убитыми или пропавшими без вести, на самом деле дерезртировали...

Когда кто-то погибал, приходилось ли вам писать об этом их родственникам?

Да, но не очень часто. В большинстве случаев это приходилось делать командиру роты.

Поддерживали ли вы связи с солдатами из своего взвода после войны?

Нет, потому что все мое время было занято моей профессиональной деятельностью врача.

Проходили ли вы курс психологической терапии, предоставляемый ветеранам правительством?

Да, дважды.

Остались ли у вас какие-то памятные вещи, фотографии или еще-что то с военных времен?

Да, но позднее все сгорело во время пожара в моем доме...

Спасибо за интересное интервью!